

Побег

Из лагеря уходили ночью. Полупьяные, скатали палатки в темноте и разворошили схрон. В схроне — нацистские побрякушки, снятые с костей шевроны, пуговицы, несколько орденов, две сотни патронов всех возможных калибров, четыре мины-«лягушки» и 11-килограммовый пулемет «МГ 42» — адское творение вермахта, способное в свои лучшие годы выплевывать до полутора тысяч пуль в минуту. Ганин слышал истории, как солдат перерезало на части, когда в дело включался «МГ». Разобрать его, смазать, настроить, сбагрить коллекционерам — и на вырученные деньги можно жить зиму.

— Видел бы нас сейчас Кузьмич, — кряхтел Фока, взваливая пулемет на плечо. — Ох, черт, тяжеленный...

— Отойдем подальше — перезахороним добро, — сказал Ганин. — Здесь люди, много людей. Разроют.

Двинулись, обходя огни костров. Старались не шуметь. Обитатели лагеря звенели бутылками, ходили хороводом от палатки к палатке. Кто-то пел песню — казачью, они пользовались почему-то особенной популярностью здесь.

— Не для-а-а-а-а, — тянул осипший голос, — придет весна-а-а...

Для многих это была игра, знал Ганин. Они, затянутые в модный натовский камуфляж, редко выходили с лопатами в поле. Все больше сидели у костров, вгрызались в шашлыки, заливали в себя водку и смеялись. В воскресенье паковали свои пожитки и отправлялись обратно в города. Меняли камуфляж на офисную униформу, продавали сантехнику, выгодные подключения, ценные бумаги, злоупотребляли словами «мерчандайз», «фэн-шуй», «клиентура» и по пятницам снова ехали в поля — как на дачу, это было

вместо дачи у них. Братья Солодовниковы, местные, которые копали с малолетства, презрительно звали таких городскими. И не упускали случая унижить, подстебнуть, пощупать нерв.

Все это в первый сезон испытал на своей шкуре и новичок Ганин. К нему присматривались долго, потому что он, в отличие от других городских, много копал. Но, присмотревшись, наехали все равно.

Потерянный, бесноватый, проводящий дни в яме, полной человеческих костей, Ганин однажды у костра услышал в свой адрес пошлую шутку: «Пока ты здесь, Андрюша, бегаешь с лопаткой, жена твоя стоит рогаткой». Все загоготали. А когда опомнились, Ганин уже прижимал обидчика к земле и долбил выхваченной из костра головней. Обидчик скулил, закрывал голову руками. Его волосы дымились. Головня была жестким оружием.

Наутро после той драки свою палатку рядом с палаткой Ганина поставил Степан Солодовников.

— Степа, — представился он и кивнул на стоявшего за его спиной двухметрового детину. — А это Серега, мой брательник меньшей.

Серега протянул руку и ухмыльнулся:

— У вас там в Москве все такие резкие?

Ладонь его была одной большой гладкой мозолью. Пожимая ее, Ганин задумался:

— Нет. Не все.

Редакторские, решил он, вряд ли узнали бы его вчера.

Очень скоро выяснилось, что у Ганина особый дар находить погибших солдат. Куда бы он ни пошел, где бы ни ткнул лопатой в землю, кости находились тотчас, словно ждали его. Братья Солодовниковы изумились. Бесхитростные, чуткие до всякой мистики, они решили, что стали свидетелями чуда.

Сговорившись между собой, взялись опекать Ганина. Если случались конфликты, заслоняли его как два валуна: один поменьше, пошире в боках — Степан, другой выше, продолговатее — Сергей. Ганин злился: «Я сам, ребята!» «Сам, сам, — обычно отвечали они, продолжая оттирать его спинами. — Все сам, Андрюша». Их лица, похожие на куски лежалого навоза, прорезали ухмылки. Рыжие челки развевались на ветру. В голубых глазах было пусто. Посмотришь — и пожалеешь, что связался.

Сейчас Солодовниковы тащили в темноте вещмешки и стебали согнувшегося под тяжестью немецкого пулемета Фоку.

— Пальни, что ли, дядя, — говорил Сергей. — Хоть какое веселье. Чего просто так тяжесть таскать.

— Отстань!

— Важный! — подмигивал Сергей брату. — Экономит патрон. Для лося бережешь, Фока? Али для медведя?

— Медведь-то весь разбежится, как только увидит эту дуру, — подхватил Солодовников-старший.

— Не-а, — Серега щурился. — Это еще не дура. Это так, на зайцев ружьишко. А главная дура у Фоки где? А, Фока? Ты ж как-то хвастался у костра.

Фока скрипел зубами, тащил пулемет и молчал. Знал, что вступать с братьями в спор, когда на тех нападает глумливое настроение, бессмысленно.

— А главная дура у нашего Фоки в штанах, — продолжал Сергей. — От такой орудии не то что медведь побежит, жирафа — и та очокурится. Фока сам сказал. Да, Фока?

— Ну! — изумлялся Степан. — Покажь, Фока!

— Я те покажу! — прорвало Фоку, несмотря на здравый смысл. — Я те так покажу, что мало не покажется!

Он скинул с плеча пулемет, попробовал им замахать. Братья с гоготом бросились от него в темноту. Оружие, однако, оказалось не по силам Фоке — пулемет, который он схватил за дуло, дал крен в хвосте и утянул его набок, повалил в грязь.

— Вояка! — раздавалось сквозь хохот в темноте.

— Ох, убил! — корчась в судорогах, выл Степан. Он сам упал на землю и теперь катался по ней, хлопая себя по коленям. — Наповал убил!

Они ушли от лагеря уже километра на три. Тропинки закончились. Стемнело. Шли в густой траве, огибая лес. Обиженный Фока ушел вперед. Остальные слышали, как он вполголоса костерит братьев. «Темень деревенская. Дуболомы» — приклад пулемета за его плечом покачивался в такт ругательствам.

Ганин понял, что что-то не в порядке, когда услышал Фокин вскрик и в следующую секунду воткнулся в его костистую спину носом.

— Что, Фока? Что замер?

— Ребята, тут... — Фока обернулся, зашарил по ним глазами. Голос его звучал растерянно. — Тут человек...

— Уж ясно, что не зверь, — раздалось из темноты. — Есть, что ли, табачок, ребятишки?

Ганин выглянул из-за Фокиного плеча и обалдел. Перед ними в траве стоял натуральный леший. Старикан в полтора метра ростом с бородой до пола (борода отливала зеленым) ухмылялся беззубым ртом. На ногах у старикана, заметил Ганин, были самые настоящие лапти.

— Что застыли, парни? Табачок, спрашиваю, есть?

— Ты откуда взялся, дед? Из-под земли, что ли?

Лешему протянули сигарету, которую тот, перед тем как сунуть в рот, осмотрел и обнюхал.